Гарри Поттер и принц-полукровка

Автор:
Джоан Роулинг

Гарри Поттер и принц-полукровка

Джоан Кэтлин Роулинг

Гарри Поттер #6

«Над школой висел светящийся зеленый череп с языком-змеей, знак Упивающихся Смертью… знак, который они оставляют… когда убивают кого-то…»

Когда однажды летней ночью Думбльдор прибывает на Бирючинную улицу, чтобы забрать Гарри, мальчик видит, что у директора почернела и высохла правая рука, но причины этого остаются загадкой. По всему волшебному миру распространяются тайны и подозрения, и даже в «Хогварце» уже не безопасно. Гарри убежден, что Малфой носит темную метку. Один из школьников – Упивающийся Смертью. При изучении самых темных секретов Вольдеморта Гарри понадобятся сильная магия и настоящие друзья. Дамблдор готовит мальчика к встрече с судьбой…

Дж. К. Роулинг

Гарри Поттер и принц-полукровка

Маккензи, моей красавице-дочери, посвящаю ее чернильно-бумажного близнеца

Глава первая

Другой министр

Близилась полночь. Премьер-министр сидел в кабинете один, изучая длинный меморандум, но слова проскальзывали сквозь мозг, не оставляя ни тени смысла. Министр ждал звонка от президента далекой страны – когда же этот злополучный господин соизволит протелефонировать? – и одновременно гнал от себя воспоминания о событиях очень долгой, очень утомительной и очень неприятной недели, поэтому ни на что другое места в голове не хватало. Чем сильнее он старался сосредоточиться на тексте, тем явственней проступала перед глазами гнусная физиономия одного из политических оппонентов. Не далее как сегодня мерзавец появился в новостях и не только перечислил катастрофы последней недели (словно о них требовалось напоминать!), но и подробно растолковал, почему во всех до единого происшествиях виновато правительство.

При одной мысли об этом у премьер-министра участился пульс. Чудовищная ложь и несправедливость! Каким, спрашивается, образом правительство могло предотвратить обрушение моста? Что за возмутительные намеки на недофинансирование ремонтных работ? Да мосту было меньше десяти лет; лучшие эксперты теряются в догадках, почему он ни с того ни с сего переломился надвое, отправив на дно реки с десяток автомобилей. А чего стоят утверждения, будто два жестоких убийства, получивших в прессе столь мощный резонанс, произошли из-за нехватки полицейских? И как, скажите на милость, можно было предвидеть странный ураган в юго-западных графствах, который причинил такой ущерб и повлек за собой столько человеческих жертв? И чем премьер-министр виноват, если один из младших министров его кабинета, Герберт Чорли, именно на этой неделе повел себя так нелепо, что его пришлось отправить «побыть с семьей»?

– В стране царят мрачные настроения, – заключил оппонент, еле сдерживая довольную ухмылку.

Это, к несчастью, правда. Премьер-министр и сам видит: люди подавлены, как никогда. И погода отвратительная; такие холодные туманы в середине июля… все ненормально, все неправильно…

Премьер-министр перевернул вторую страницу, увидел, сколько еще читать, и сдался – все равно ничего не получится. Он потянулся и с похоронным видом обвел глазами кабинет. Красивая комната; чудесный мраморный камин; напротив – высокие подъемные окна, плотно закрытые из-за подозрительных, не по сезону, холодов. Премьер-министр поежился, встал, подошел к окну и уперся взглядом в туман, липнувший к стеклам. И тогда за спиной услышал чей-то тихий кашель.

Премьер-министр замер нос к носу с собственным испуганным отражением. Этот кашель он узнал; слышал его и раньше. Он очень медленно обернулся. В комнате было пусто.

– Кто здесь? – неуверенно произнес премьер-министр с жалкой потугой на воинственность.

На краткий миг он позволил себе надеяться, что ответа не последует. Однако из дальнего угла тут же зазвучал голос, отрывистый и решительный, – он словно зачитывал заранее составленное заявление. Голос шел – и премьер-министр это прекрасно знал – с небольшого грязноватого портрета человечка, похожего на лягушку в длинном серебристом парике.

– Премьер-министру муглов. Необходима срочная встреча. Прошу ответить немедленно. Всего наилучшего, Фудж. – И человечек с картины вопросительно уставился на премьер-министра.

– Э-э, послушайте… – забормотал тот, – сейчас не самый удачный момент… Видите ли, я жду важного звонка… от президента… э-э-э…

– Можно перенести, – отрезал портрет. У премьер-министра сжалось сердце: этого он и боялся.

– Но я правда хотел поговорить…

– Мы устроим, чтобы президент забыл о звонке. И вспомнил о нем завтра вечером, – объявил человечек. – Прошу вас немедленно ответить мистеру Фуджу.

– А-а… э-э… хорошо, – пролепетал премьер-министр. – Я встречусь с Фуджем.

Он торопливо пошел к столу, на ходу поправляя галстук. Он едва успел сесть и пристроить на лице бесстрастное, с его точки зрения, выражение, как пустой очаг под мраморной каминной полкой внезапно ожил и заполыхал ярким зеленым огнем. Премьер-министр, еле сдерживая изумление и страх, смотрел, как в языках пламени возникла бешено вертящаяся юла, которая быстро превратилась в дородного мужчину. Через пару секунд гость, держа в руке лаймовый котелок и отряхивая пепел с рукавов длинного полосатого плаща, ступил на антикварный каминный коврик.

– А, премьер-министр. – Корнелиус Фудж решительно направился к хозяину, протягивая руку. – Рад видеть вас снова.

Премьер-министр не мог искренне ответить тем же, а потому промолчал. Он нисколько не был рад Фуджу, чьи эпизодические появления, и сами по себе пугающие, сулили одни неприятности. К тому же Фудж выглядел неважнецки: осунулся, поседел, полысел, лицо озабоченное, мятое. Премьер-министру доводилось видеть такие лица у политиков, и это никогда не предвещало ничего хорошего.

– Чем могу служить? – спросил он, коротко пожимая гостю руку и указывая на самый жесткий стул перед столом.

– Даже не знаю, с чего начать, – пробормотал Фудж, отодвинул стул, уселся и пристроил на коленях котелок. – Ну и неделька, ну и неделька…

– Тоже не задалась? – сухо поинтересовался премьер-министр, надеясь тем самым дать понять, что хлопот ему довольно и собственных.

– А как же, конечно, – ответил Фудж, устало потер глаза и угрюмо воззрился на собеседника. – Все то же, что и у вас, премьер-министр. Брокдейлский мост… Убийства Боунс и Ванс… не говоря о кошмаре на юго-западе…

– Вы… э-э… ваши… я хочу сказать, кто-то из ваших… причастен к этим… событиям?

Фудж посмотрел на премьер-министра довольно сурово.

– Разумеется, – сказал он. – Надеюсь, вы понимаете, в чем дело?

– Я… – смешался премьер-министр.

Потому он и не любил визиты Фуджа. Что за манеры? Ведь он, в конце концов, не кто-нибудь, а премьер-министр, нечего разговаривать с ним как со школьником, не выучившим урок. Но так, увы, повелось с самой первой встречи в день избрания на пост. Премьер-министр помнил все так ясно, будто это случилось вчера, и знал, что забыть не удастся до смертного часа.

Он стоял один в этом самом кабинете, упиваясь триумфом – наконец-то, после стольких лет мечтаний и терзаний, – и вдруг, совсем как сегодня, услышал кашель, обернулся и узнал от говорящего уродца, что с ним, видите ли, желает познакомиться министр магии.

Естественно, он решил, что сбрендил, – долгая избирательная кампания, выборы, перенапряжение – и до смерти перепугался, когда с ним заговорил портрет, но это были сущие пустяки в сравнении с, изволите ли видеть, колдуном, который выпрыгнул из камина и сразу полез жать руку. Премьер-министр не мог выдавить ни слова, а Фудж тем временем любезно объяснял, что в стране по-прежнему тайно проживает множество колдунов и ведьм, однако беспокоиться на их счет не стоит: министерство магии берет на себя сокрытие оного факта от немагического сообщества. А это, втолковывал визитер, дело серьезное, многотрудное, от установления правил пользования метлами до регулирования численности драконьей популяции (премьер-министр вспомнил, как при этих словах вцепился в стол). Затем Фудж отечески похлопал по плечу премьер-министра, которому никак не удавалось прийти в себя, и сказал:

– Не волнуйтесь. Очень может статься, что мы с вами больше никогда не увидимся. Только если у нас произойдет нечто совсем страшное, угрожающее благополучию муглов – в смысле немагического сообщества. Вообще же наш принцип – «живи и давай жить другим». Кстати, должен сказать, вы ведете себя куда спокойнее вашего предшественника. Тот хотел выбросить меня из окна, решил, что я – происки оппозиции.

Премьер-министр наконец обрел дар речи:

– Так вы… не происки?

То была его последняя отчаянная надежда.

– Нет, – мягко ответил Фудж. – Боюсь, что нет. Смотрите. – И превратил чашку премьер-министра в хомячка.

– Но, – чуть слышно прошептал премьер-министр, глядя, как недавняя чашка отжевывает уголок его новой речи, – почему… почему мне никто не сказал?..

– Министр магии представляется только действующему премьер-министру муглов, – объяснил Фудж, пряча волшебную палочку в карман. – Секретность, знаете ли. Без нее никуда.

– Но в таком случае, – проблеял премьер-министр, – почему мой предшественник не предупредил меня?..

Фудж расхохотался:

– Дорогой премьер-министр, а вы собираетесь обо мне рассказывать?

Все еще давясь от смеха, Фудж бросил в камин какой-то порошок, ступил в изумрудное пламя и с шелестящим свистом исчез. Премьер-министр остался стоять, понимая, что никогда в жизни и словом не обмолвится об этой встрече, ибо какой же дурак ему поверит?

Он не сразу оправился от шока. Вначале постарался убедить себя, что Фудж и в самом деле был галлюцинацией, вызванной предвыборным недосыпом. В тщетной надежде избавиться от неловких воспоминаний он осчастливил племянницу, подарив ей хомячка, и приказал личному секретарю снять портрет уродца в углу. Как ни ужасно, оказалось, что снять портрет нельзя. Когда нескольким плотникам, паре строителей, искусствоведу и канцлеру казначейства не удалось содрать проклятущую штуковину со стены, премьер-министр решил плюнуть. Авось повезет, и картина тихо-мирно промолчит до конца его пребывания у власти. Иногда он готов был поклясться, что мельком видел, как обитатель портрета зевает, чешет нос и даже раза два куда-то уходит, оставляя за собой только грязно-коричневый холст. Впрочем, премьер-

министр приучился не смотреть в ту сторону без необходимости, а если и замечал что-то странное, упорно считал это обманом зрения.

Потом, три года назад, вечером, таким же, как сегодня – премьер-министр тоже был один, – портрет опять объявил о неизбежном визите министра магии. Тот вылетел из камина в жуткой панике, насквозь промокший. Не успел хозяин кабинета осведомиться, обязательно ли заливать его чудесный аксминстерский коврик, Фудж пустился разглагольствовать про тюрьму, о которой премьер-министр слыхом не слыхивал, про какого-то ужасного Сирьи Уса-Билека, а еще, кажется, Хогварц и мальчика по имени Гарри Поттер. В общем, полная чушь, ни о чем не говорившая премьер-министру.

– …Я только что из Азкабана, – задыхаясь, сообщил Фудж и вылил из котелка в карман изрядно воды. – Самый центр Северного моря, представляете, что за полет… Дементоры бунтуют… – Он содрогнулся. – Раньше у них побегов не бывало. Так что делать нечего, я к вам. Билек – известный убийца муглов и, вероятно, планирует примкнуть к Сами-Знаете-Кому… но вы ведь не в курсе, кто такой Сами-Знаете-Кто! – Фудж безнадежно поглядел на премьер-министра, а потом сказал: – Да вы садитесь, садитесь, я сейчас все объясню… пейте виски…

Хорошее дело: ему разрешили сесть в его же кабинете и даже выпить собственного виски! Впрочем, несмотря на возмущение, премьер-министр опустился в кресло. Фудж вытащил палочку, создал два больших стакана с янтарной жидкостью, пихнул один ошеломленному собеседнику в руку и пододвинул себе стул.

Фудж говорил больше часа. Одно имя отказался произносить вслух – написал на куске пергамента и сунул премьер-министру в ту руку, что не сжимала стакан. Потом наконец встал. Поднялся и премьер-министр.

– Так вы полагаете, что… – он, прищурившись, заглянул в пергамент, – лорд Воль…

– Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут! – рявкнул Фудж.

– Простите… Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут все еще жив?

– Думбльдор говорит, что да, – ответил Фудж, застегивая под горлом полосатый плащ, – только мы его так и не нашли. Если вам интересно мое мнение, без поддержки сторонников он не представляет угрозы; беспокоиться следует о Билеке. Стало быть, вы проинформируете общественность? Замечательно. Что ж, надеюсь, мы с вами больше не увидимся. Доброй ночи.

Но они увиделись. Не прошло и года, как Фудж соткался из воздуха в кабинете и с затравленным видом поведал об «инциденте» на чемпионате мира по квидишу (или как его там), в котором «замешаны» несколько муглов; однако, заверил он, поводов для тревоги нет – то, что Знак Сами-Знаете-Кого появился снова, еще ничего не значит; наверняка это единичный случай, а департамент по связям с муглами, скорее всего, уже разобрался с модификациями памяти…

– Ах да, чуть не забыл, – добавил Фудж. – Мы ввезли из-за границы трех драконов и сфинкса на Тремудрый Турнир, обычная вещь, но департамент по надзору за магическими существами утверждает, что по правилам мы обязаны уведомлять вас обо всех случаях ввоза существ повышенной опасности.

– Я… что… драконы? – взвизгнул премьер-министр.

– Да, три, – кивнул Фудж. – И еще сфинкс. Ну что же, всего вам доброго.

Премьер-министр от души надеялся, что ничего хуже драконов и сфинкса уже не будет, но нет. Двух лет не миновало, а Фудж в очередной раз выпрыгнул из камина и сообщил о массовом побеге из Азкабана.

– Массовый побег? – хрипло повторил премьер-министр.

– Ничего страшного, ничего страшного! – тараторил Фудж одной ногой уже в пламени. – Мы их быстренько сцапаем! Это я так, для информации!

Премьер-министр хотел закричать: «Нет уж, постойте!» – но не успел: Фудж испарился в фонтане зеленых искр.

Что бы ни говорили пресса и оппозиция, премьер-министр не был глуп. Он прекрасно видел, что, несмотря на первоначальные заверения Фуджа, они почему-то встречаются довольно часто и с каждым разом колдун все нервознее

и нервознее. И хотя глава правительства муглов всячески избегал мыслей о, как он про себя выражался, другом министре, он не мог не опасаться, что в следующий раз известия окажутся совсем прискорбные. Вот почему нынешнее появление Фуджа – встрепанного, раздраженного и слегка изумленного тем, что премьер-министр не догадывается о причине его визита, – стало, пожалуй, худшим событием этой невероятно тяжелой недели.

– Почему я должен знать, что происходит в… э-э-э… колдовском мире? – резко бросил премьер-министр. – У меня своя страна на руках. Хватает забот и без…

– Заботы у нас одни и те же, – перебил Фудж. – С Брокдейлским мостом дело не в изношенности. Ураган на самом деле не ураган. Убийства совершены не муглами. А семье Герберта Чорли пока что будет намного спокойнее без него. Мы сейчас помещаем его в больницу святого Лоскута, Институт причудливых повреждений и патологий. Перевод назначен на сегодня.

– О чем вы… я не понима… что?! – выпалил премьер-министр.

Фудж горестно вздохнул и сказал:

– Премьер-министр, мне очень жаль, но я должен сообщить, что он вернулся. Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут.

– Вернулся? Что значит «вернулся»?.. Ожил? То есть…

Премьер-министр стал судорожно вспоминать подробности страшного разговора трехлетней давности об ужаснейшем из колдунов, что исчез пятнадцать лет назад, но перед тем совершил множество чудовищных преступлений.

– Да, ожил, – подтвердил Фудж. – Хотя… не знаю… в отношении человека, которого нельзя убить… Я не очень хорошо это понимаю, а Думбльдор толком не объясняет… но, как бы там ни было, у него есть тело, он ходит, разговаривает и убивает… да, полагаю, в рамках нашей беседы можно считать, что он жив.

Премьер-министр не знал, что ответить, однако, повинуясь извечному желанию выглядеть хорошо информированным, решил уточнить все, что припоминал из предыдущих бесед.

– А Сирья Уса-Билек примкнул к… ммм… Тому-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут?

– Билек? – рассеянно переспросил Фудж, быстро перебирая пальцами края котелка. – Сириус Блэк, вы хотите сказать? Мерлинова борода, нет. Блэк мертв. Выяснилось, что по его поводу мы… э-э-э… ошибались. Он невиновен. И не был сторонником Того-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут. То есть, – оправдывающимся тоном добавил он, еще проворней завертев котелок, – все указыва-о… свыше пятидесяти свидетелей… но не важно, Блэк, как я уже сказал, умер. Точнее, убит. В здании министерства магии. Кстати говоря, назначено расследование…

Премьер-министр, к большому своему изумлению, почувствовал к собеседнику нечто вроде сострадания. Однако оно тут же сменилось самодовольной мыслью: пусть сам он и не мастер скакать по каминам, но при его правлении в здании министерства убийств не бывало… во всяком случае, пока.

Премьер-министр суеверно коснулся деревянного стола, а Фудж тем временем продолжал:

– Ладно, Блэка проехали. Штука в том, что у нас война и надо действовать.

– Война? – испуганно повторил премьер-министр. – Это, разумеется, гипербола?

– Приспешники Того-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут, которые в январе сбежали из Азкабана, воссоединились со своим господином, – сообщил Фудж. Он говорил все быстрее и так крутил котелок, что тот казался размытым желто-зеленым пятном. – Теперь они играют в открытую, и начался какой-то кошмар. Брокдейлский мост… Премьер-министр, это его рук дело. Он грозился массовым истреблением муглов, если я не уступлю, и…

– Святые небеса, так это вы повинны в гибели людей! А я должен оправдываться за проржавевшие конструкции, разъеденные температурные швы и невесть что еще?! – возмутился премьер-министр.

– Я повинен? – вспыхнул Фудж. – А вы сами уступили бы шантажу?

– Может, и нет, – премьер-министр встал и принялся расхаживать по комнате, – но приложил бы все силы, чтобы поймать шантажиста раньше, чем он успеет

совершить злодейство!

– Думаете, я мало старался? – с жаром спросил Фудж. – Да его вместе со сторонниками искали – и сейчас ищут – все авроры министерства! Но только вот беда – речь идет об одном из самых сильных чародеев всех времен и народов, о колдуне, которому уже почти три десятилетия удается избежать правосудия!

– Полагаю, вы припишете ему и ураган в юго-западных графствах? – гневно осведомился премьер-министр, с каждой минутой горячась все сильнее. Вот безобразие: причина несчастий наконец известна, а донести ее до сведения широкой публики нельзя! Это еще хуже, чем если бы во всем действительно было виновато правительство.

– Это не ураган, – тихо произнес несчастный Фудж.

– Минуточку! – взревел премьер-министр, грозно печатая шаг. – А вырванные с корнем деревья, а снесенные крыши, а чудовищные увечья…

– Это сделали Упивающиеся Смертью, – сказал Фудж. – Приспешники Того-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут. И еще… здесь явно просматривается гигантский след.

Премьер-министр резко остановился, словно наткнулся на невидимую стену.

– Какой след?

Фудж страдальчески поморщился:

– Раньше он для вящей грандиозности привлекал гигантов. Наш отдел дезинформации трудится круглые сутки; для модификации памяти муглов, видевших, что случилось на самом деле, повсюду разосланы бригады амнезиаторов; в Сомерсет брошен практически весь департамент по надзору за магическими существами, но найти гиганта не удается… Это ужасно.

– Да неужели! – сердито буркнул премьер-министр.

– Не стану скрывать, настроение в министерстве упадническое, – признался Фудж. – Вся эта история плюс потеря Амелии Боунс…

– Кого?

– Амелии Боунс. Главы департамента защиты магического правопорядка. Мы думаем, Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут, скорее всего, убил ее лично: такая сильная ведьма… Все свидетельствует о том, что она сражалась до последнего.

Фудж, покашляв, с видимым усилием оставил в покое котелок.

– О ней же писали в газетах, – сообразил премьер-министр, позабыв о своем гневе. – В наших газетах. Амелия Боунс… немолодая одинокая женщина. Какое-то очень… страшное убийство, так? У нас оно получило широкую огласку. Совершенно поставило в тупик полицию.

Фудж вздохнул:

– Естественно. Ее убили в комнате, запертой изнутри. Мы-то, со своей стороны, прекрасно знаем, кто убийца, но от этого нам ничуть не легче его поймать… А еще Эммелина Ванс, про нее вы, может, и не слышали…

– Напротив, очень даже слышал! – воскликнул премьер-министр. – Это же случилось неподалеку, буквально за углом. У газетчиков был настоящий праздник: «Попрание законности и порядка под носом у премьер-министра…»

– А для полноты счастья, – почти не слушая, продолжал Фудж, – повсюду кишат дементоры! Атакуют людей со всех сторон…

В былые счастливые времена эта фраза показалась бы премьер-министру китайской грамотой, но с тех пор он поднабрался знаний.

– Я думал, дементоры охраняют Азкабан? – осторожно спросил он.

– Охраняли, – устало произнес Фудж. – Теперь уже нет. Они оставили тюрьму и присоединились к Тому-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут. Не стану притворяться – это для нас удар.

– Но вы же вроде бы говорили, – премьер-министра стремительно охватывал ужас, – что они высасывают из людей радость и надежду?

– Так и есть. К тому же они размножаются. Оттого и туман.

Премьер-министр, почувствовав слабость в коленях, опустился в ближайшее кресло. При мысли о невидимых чудищах, расползающихся по городам и весям и вселяющих тоску и отчаяние в его избирателей, он едва не потерял сознание.

– Но послушайте, Фудж… сделайте что-нибудь! Как министр магии вы обязаны!..

– Дорогой мой, вы же не думаете, что после всего случившегося я сохранил пост? Три дня назад меня сняли! Колдовская общественность две недели возмущенно требовала моей отставки. За все время моей работы они ни разу не выказывали подобного единства! – воскликнул Фудж, храбро попытавшись улыбнуться.

Премьер-министр на время лишился дара речи. Даже негодуя, что его поставили в столь идиотское положение, он все же очень сочувствовал этому измученному человеку.

– Мне безумно жаль, – наконец произнес премьер-министр. – Могу я чем-то помочь?

– Вы очень добры, однако помочь мне нечем. Сегодня меня прислали сообщить вам последние новости и заодно представить моего преемника. Он бы уже должен появиться, но, сами понимаете, он сейчас очень занят, столько всего происходит…

Фудж оглянулся на портрет маленького уродца в длинном завитом парике. Тот ковырял в ухе кончиком пера. Поймав взгляд Фуджа, портрет сказал:

– Будет с минуты на минуту. Заканчивает письмо Думбльдору.

– А! Желаю удачи, – отозвался Фудж. В его голосе впервые прозвучала горечь. – Последние две недели я писал Думбльдору дважды в день, а он даже не почесался. Если б только он согласился уломать мальчишку, я бы и сейчас…

ладно, может, Скримджеру больше повезет.

Фудж погрузился в откровенно тягостные раздумья, но ему почти сразу помешал портрет, неожиданно заговоривший отрывисто и официально:

– Премьер-министру муглов. Необходимо встретиться. Срочно. Прошу ответить немедленно. Министр магии Руфус Скримджер.

– Да-да, хорошо, – рассеянно отозвался премьер-министр и почти уже не вздрогнул, когда пламя в очаге снова позеленело, поднялось, высветило в самой своей сердцевине вертящегося колдуна, а через несколько мгновений выплюнуло его на антикварный коврик. Фудж встал. Премьер-министр после секундного колебания сделал то же самое, не сводя глаз с вновь прибывшего. Тот выпрямился, отряхнул золу с длинного черного одеяния и осмотрелся.

Первой в голову премьер-министру пришла не самая умная мысль: надо же, Руфус Скримджер – вылитый старый лев. В густой рыже-коричневой гриве и лохматых бровях блестела седина; из-за очков в проволочной оправе смотрели желтоватые глаза; походка, несмотря на легкую хромоту, отличалась экономной, пружинистой грацией. Он с первого взгляда производил впечатление человека проницательного и жесткого; премьер-министр подумал, что вполне понимает колдунов, которые в нынешние опасные времена предпочли передать бразды правления Скримджеру.

– Здравствуйте, – вежливо сказал премьер-министр, протягивая руку.

Скримджер коротко пожал ее, одновременно сканируя взглядом комнату, затем вытащил из-под одежды волшебную палочку.

– Фудж вам все рассказал? – спросил он, подошел к двери и постучал палочкой по замочной скважине. Щелкнул замок.

– Э-э… да, – ответил премьер-министр. – Кстати, если вы не против, я бы предпочел, чтобы дверь осталась открытой.

– А я бы предпочел, чтоб меня не перебивали, – коротко бросил Скримджер, – и не подсматривали за мной, – прибавил он и потыкал палочкой в сторону окон.

Шторы тут же закрылись. – Так, прекрасно, я человек занятой, поэтому – к делу. Прежде всего мы должны решить вопрос с вашей охраной.

Премьер-министр с достоинством выпрямился и ответил:

– Спасибо, но я вполне доволен нынешней…

– А мы нет, – оборвал Скримджер. – Хорошенькая выйдет история для муглов, если их премьер-министр окажется под проклятием подвластия. Ваш новый секретарь…

– Я ни за что не уволю Кингсли Кандальера, если вы на это намекаете! – пылко вскричал премьер-министр. – Он чрезвычайно исполнителен, всегда успевает сделать в два раза больше остальных…

– Это потому, что он колдун, – без тени улыбки пояснил Скримджер. – Аврор высшей категории, назначенный вас защищать.

– Секундочку! – начальственно воскликнул премьер-министр. – Вы не можете никого назначать в мой офис, я сам решаю, кому со мной работать…

– Мне показалось, вы довольны Кандальером? – холодно перебил Скримджер.

– Я доволен… то есть был…

– Значит, никаких проблем? – осведомился Скримджер.

– Я… что же, если его работа останется… э-э-э… на том же уровне, – пролепетал премьер-министр. Фраза вышла неловкая, но Скримджер толком не слушал.

– Далее. Насчет Герберта Чорли, вашего младшего министра, – продолжил он. – Который так позабавил общественность, представляя утку.

– А что насчет Чорли? – спросил премьер-министр.

– Он явно находился под воздействием плохо исполненного проклятия подвластия, – заявил Скримджер. – Оно подействовало ему на мозги, но он тем не менее может быть опасен.

– Бедняга всего лишь крякал! – слабым голосом возразил премьер-министр. – Неделька отдыха… поменьше спиртного… и он наверняка…

– Пока мы с вами разговариваем, его осматривают знахари больницы святого Лоскута. И троих он уже попытался придушить, – сказал Скримджер. – Думаю, его пока лучше изолировать от муглов.

– Я… но… он поправится? – встревожился премьер-министр.

Скримджер, уже направляясь к камину, лишь пожал плечами.

– Вот, собственно, все, что я имел сообщить. Буду держать вас в курсе, премьер-министр… а если из-за сильной занятости не сумею прибыть лично, пришлю Фуджа. Он согласился остаться при министерстве консультантом.

Фудж изобразил улыбку – без особого, впрочем, успеха; выглядело так, будто у него болят зубы. Скримджер полез в карман за таинственным порошком, от которого зеленело пламя. Премьер-министр, в полной безнадежности взирая на гостей, внезапно выпалил то, о чем весь вечер пытался молчать:

– Но вы ведь… да что ж это такое… вы ведь колдуны! Вы владеете магией! Вы же можете… ну… все что угодно!

Скримджер медленно повернулся, и они с Фуджем обменялись изумленными взглядами. Фудж улыбнулся, на сей раз совершенно искренне, и произнес:

– Загвоздка в том, премьер-министр, что наш противник тоже владеет магией.

Колдуны один за другим ступили в ярко-зеленый огонь и улетучились.

Глава вторая

Ткацкий тупик

Совсем в другом месте, над грязной речушкой, с трудом пробиравшейся меж заросших и замусоренных берегов, висел тот же ледяной туман, что льнул к окнам кабинета премьер-министра. Поодаль, темная и зловещая, высилась труба давно заброшенной фабрики. Нигде ни звука, только шелест черной воды и ни души. Пейзаж оживляла лишь тощая лисица – она кралась к берегу, чтобы сунуть нос в старый пакет из-под рыбы с жареной картошкой.

Вдруг раздался тихий хлопок, и на речном берегу возникла стройная фигура в плаще с капюшоном. Лиса настороженно замерла, внимательно изучая это неожиданное и странное явление. Фигура пару мгновений постояла, собираясь с мыслями, а потом легко и решительно куда-то зашагала. Длинный плащ зашуршал по траве.

Раздался хлопок погромче, и в воздухе материализовалась вторая фигура.

– Постой!

Хриплый окрик вспугнул лисицу, которая пряталась в зарослях, почти распластавшись по земле. Она выпрыгнула из укрытия и метнулась прочь от берега. Полыхнуло зеленым, лиса взвизгнула и упала замертво.

Вторая фигура перевернула животное носком ботинка.

– Всего-навсего лиса, – послышался из-под капюшона равнодушный женский голос. – Я-то думала, аврор… Цисса, подожди!

Но объект ее преследования, оглянувшись было на вспышку, уже карабкался по склону, откуда только что свалилась лисица.

– Цисса! Нарцисса! Послушай…

Вторая женщина настигла первую и схватила за локоть, но та вырвалась.

– Возвращайся, Белла!

– Ты должна меня выслушать!

– Я уже выслушала. И приняла решение. Оставь меня!

Женщина по имени Нарцисса добралась до старых перил, разделявших реку и узкую мощеную улочку. Вторая женщина, Белла, поднялась следом. Они стояли в темноте бок о бок и смотрели на бесконечные ряды обветшалых кирпичных домишек с темными подслеповатыми окнами.

– Он живет здесь? – презрительно проговорила Белла. – В этом мугловом гадюшнике? Мы, наверно, первые из наших, кто…

Нарцисса не слушала; она проскользнула в брешь ржавой ограды и торопливо зашагала по улице.

– Цисса, стой!

Белла пошла следом. Ее плащ развевался на ходу. Нарцисса стремительно пронеслась по переулку между домами к другому переулку, почти такому же. Фонари местами были разбиты; женщины то и дело перемещались из света в тьму. На очередном повороте преследовательница догнала жертву и, схватив за руку, резко развернула к себе:

– Цисса, не надо этого делать, ему нельзя доверять…

– Но ведь Черный Лорд доверяет?

– Черный Лорд… по-моему… ошибается, – тяжело дыша, ответила Белла и оглянулась, нет ли кого. Из-под капюшона ярко сверкнули глаза. – Так или иначе, нам приказано никому не рассказывать о плане. Ты предаешь Черного Лорда…

– Пусти, Белла! – гневно воскликнула Нарцисса и, выхватив из-под плаща палочку, угрожающе нацелилась в лицо своей спутницы. Та рассмеялась:

– Цисса! Собственную сестру? Ты не посмеешь…

– Теперь я уже все посмею! – истерично выдохнула Нарцисса и рубанула палочкой как кинжалом. На мгновение вспыхнул ослепительный свет. Белла дернулась, точно обжегшись, и выпустила руку сестры.

– Нарцисса!

Но та кинулась дальше, в лабиринт кирпичных домов. Белла, потирая руку, двинулась следом, однако теперь держалась на расстоянии. Нарцисса добежала до переулка под названием «Ткацкий тупик», над домами которого гигантским грозящим пальцем нависала труба, и гулко застучала каблуками по мостовой. Миновав череду заколоченных или выбитых окон, она подошла к самому последнему дому. Из-за штор на первом этаже еле пробивался свет.

Нарцисса постучала в дверь – Белла, непрерывно бубнившая ругательства вполголоса, не успела ее остановить. Женщины в ожидании замерли на пороге. Обе часто дышали. Ночной ветер доносил запах грязной речной воды. Очень скоро в доме послышался шум, и дверь чуть-чуть приоткрылась. Сквозь щель на сестер посмотрел черноглазый мужчина с длинными черными патлами, разделенными пробором надвое и обрамлявшими землистое лицо.

Нарцисса откинула капюшон. Она была так бледна, что, казалось, светилась в темноте; длинные светлые волосы струились по спине, и Нарцисса походила на утопленницу.

– Нарцисса! – воскликнул мужчина и открыл дверь пошире, так что свет упал на гостью и ее сестру. – Какой приятный сюрприз!

– Злотеус, – напряженным шепотом ответила она, – можно с тобой поговорить? Это срочно.

– Разумеется.

Он отступил, пропуская Нарциссу в дом. Ее сестра, не снимая капюшона, вошла без приглашения.

– Злей, – бросила она в качестве приветствия, проходя мимо хозяина.

– Беллатрикс, – отозвался тот, изогнув тонкие губы в саркастичной усмешке, и захлопнул дверь.

Они прошли в крошечную темную гостиную, похожую на больничную палату, обитую войлоком. Все стены были заняты книгами в черных и коричневых кожаных переплетах; посредине, в круге тусклого света люстры со свечами, сгрудились вытертый диван, старое кресло и шаткий столик. Комната выглядела заброшенной, почти нежилой.

Злей жестом предложил Нарциссе сесть на диван. Она сбросила плащ, отшвырнула его, села, сцепив на коленях белые трясущиеся руки, и вперила в них взгляд. Беллатрикс медленно сняла капюшон. Она была полной противоположностью сестры – темноволосая, с тяжелыми веками и сильным подбородком. Не сводя глаз с хозяина, она встала за спиной у Нарциссы.

– Итак, чем могу служить? – Злей уселся в кресло напротив.

– Мы… одни? – еле слышно спросила Нарцисса.

– Да, конечно. Не считая Червехвоста, но паразиты не в счет, верно?

Он направил палочку на стеллаж у себя за спиной. Тотчас с грохотом распахнулась потайная дверь, и в проеме показалась узкая лестница, а на ней – маленький человечек.

– Очевидно, ты уже понял, Червехвост, что у нас гости, – лениво процедил Злей.

Человечек, горбясь, спустился на несколько ступеней и прошел в комнату. У него были водянистые глазки, острый носик и неприятное лживое лицо. Левой рукой он неустанно баюкал правую, которую словно облегала ярко блестящая серебряная перчатка.

– Нарцисса! – проскрипел он. – Беллатрикс! Как мило…

– Если желаете, Червехвост принесет нам выпить, – сказал Злей. – А затем поднимется к себе.

Червехвост сморщился, словно ему чем-то плеснули в лицо.

– Я вам тут не слуга! – пискнул он, избегая взгляда Злея.

– Правда? А мне казалось, Черный Лорд прислал тебя мне помогать.

– Помогать, да… но не подавать напитки и… не прибираться в твоем доме!

– Я не знал, Червехвост, что ты мечтаешь о более героической деятельности, – медоточиво произнес Злей. – Это легко устроить: я обязательно поговорю с Черным Лордом…

– Я и сам могу с ним поговорить, если надо!

– Разумеется, можешь, – осклабился Злей. – А пока что принеси нам выпить. Скажем, домашнего эльфийского вина.

Червехвост помялся, будто намереваясь спорить, но затем повернулся и направился ко второму потайному ходу. Послышался грохот дверец, звяканье стекла. Прошло всего несколько секунд, и он вернулся с пыльной бутылкой и тремя кубками на подносе. Затем шваркнул поднос на шаткий столик и стремительно удалился, хлопнув напоследок дверью, замаскированной под книжный шкаф.

Злей разлил кроваво-красное вино по кубкам и передал сестрам. Нарцисса поблагодарила, а Беллатрикс по-прежнему молча сверлила хозяина дома глазами. Впрочем, казалось, его это нисколько не смущает, а, напротив, забавляет.

– За Черного Лорда, – провозгласил он, подняв кубок, и осушил его.

Сестры последовали его примеру. Злей подлил им еще вина.

Принимая кубок, Нарцисса быстро заговорила:

– Злотеус, прости, что мы без приглашения, но я должна была тебя увидеть. Ты один можешь мне помочь…

Злей жестом остановил ее и еще раз ткнул палочкой в сторону потайной двери. Там что-то грохотнуло, пискнуло, и стало слышно, как Червехвост убегает вверх по лестнице.

– Мои извинения, – сказал Злей. – Он в последнее время пристрастился подслушивать, уж не знаю зачем… Так о чем ты, Нарцисса?

Та судорожно вздохнула и начала снова:

– Злотеус, я знаю, что не должна была приходить, мне приказали никому ничего не рассказывать, но…

– Вот и держи язык за зубами! – рявкнула Беллатрикс. – Особенно здесь!

– «Особенно здесь»? – сардонически повторил Злей. – Как прикажете это понимать, Беллатрикс?

– Так, что я вам не доверяю, Злей, о чем вы прекрасно знаете!

Нарцисса странно, без слез, всхлипнула и закрыла лицо руками. Злей поставил кубок на столик, сел поудобнее, положил руки на подлокотники и с улыбкой уставился в гневное лицо Беллатрикс.

– Нарцисса, думаю, во избежание дальнейших препирательств мы должны выслушать Беллатрикс, ей явно не терпится что-то сказать. Говорите же, Беллатрикс, – предложил Злей. – Почему вы мне не доверяете?

– По сотне причин! – воскликнула та, вышла из-за дивана и с грохотом поставила кубок на столик. – Не знаю, с чего и начать! Объясните, где вы были после падения Черного Лорда? Почему не пытались найти его, когда он исчез? Чем занимались все эти годы, пока жили у Думбльдора за пазухой? Почему помешали нашему господину заполучить философский камень? Почему не вернулись сразу после возрождения Черного Лорда? Где были несколько недель назад, когда мы пытались отвоевать пророчество? И почему, Злей, до сих пор жив Гарри Поттер, который вот уже пять лет находится в полной вашей власти?

Она остановилась перевести дух. Ее грудь ходила ходуном, щеки пылали. Нарцисса сидела неподвижно, не отнимая ладоней от лица.

Злей усмехнулся.

– Прежде чем ответить… да-да, Беллатрикс, я отвечу! Можете передать мои слова всем любителям шушукаться за чужой спиной и пересказывать Черному Лорду грязные измышления о моем предательстве! Только я в свою очередь тоже задам вопрос. Вы и правда считаете, что Черный Лорд не догадался спросить меня о том же? И что мы разговаривали бы с вами, если б его не удовлетворили мои ответы?

Беллатрикс смешалась.

– Я знаю, он вам верит, но…

– Думаете, что он заблуждается? Что я каким-то образом его облапошил? Обвел вокруг пальца Черного Лорда, величайшего из колдунов, непревзойденного легилиментора?

Беллатрикс молчала. На ее лице впервые отразилось смущение. Но Злей не стал развивать эту тему. Он снова взял кубок, глотнул и продолжил:

– Вас интересует, где я был после падения Черного Лорда? Там, куда он меня поставил, – в «Хогварце», школе колдовства и ведьминских искусств. Господин велел мне шпионить за Альбусом Думбльдором. Полагаю, вы в курсе, что я принял должность по распоряжению Черного Лорда?

Беллатрикс едва заметно кивнула и открыла было рот, но Злей ее опередил:

– Вам хочется знать, почему я не пытался его разыскать? Потому же, почему этого не делали Эйвери, Гнусли, брат и сестра Карроу, Уолк, Люциус, – Злей кивнул Нарциссе, – и многие другие. Я считал его мертвым. Нисколько не горжусь своей ошибкой, но так уж оно было… если б господин не простил тех, кто тогда потерял веру, у него бы сейчас осталось крайне мало сторонников.

– У него всегда была я! – страстно воскликнула Беллатрикс. – Я, которая столько лет провела ради него в Азкабане!

– Беспрецедентный героизм, – скучливо отозвался Злей. – Правда, толку от вас в тюрьме было мало, но жест, безусловно, красивый…

– Жест! – взвизгнула Беллатрикс; в ярости она смотрелась безумицей. – Меня терзали дементоры, а вы сидели в «Хогварце», как ручная зверушка Думбльдора, и в ус не дули!

– Не совсем, – спокойно возразил Злей. – Он не соглашался сделать меня преподавателем защиты от сил зла. Боялся, что это приведет к… э-э… рецидиву… соблазнит на старые забавы.

– Вот вы чем, значит, пожертвовали ради Черного Лорда – любимым предметом? – глумливо осведомилась Беллатрикс. – Что же вы там торчали столько времени? Шпионили за Думбльдором по заданию господина, которого считали покойным?

– Нет, – сказал Злей. – Впрочем, Черный Лорд был рад, что я не оставил пост: я смог предоставить ему сведения о Думбльдоре за целых шестнадцать лет, что, несомненно, оказалось много более ценным подарком к возвращению, нежели бесконечные воспоминания об ужасах Азкабана…

– Но вы остались там…

– Да, Беллатрикс, остался, – ответил Злей, впервые чуть заметно раздражаясь. – Предпочел хорошую работу сроку в Азкабане. Если вы помните, Упивающихся Смертью хватали одного за другим. Благодаря заступничеству Думбльдора я избежал тюрьмы – удачное стечение обстоятельств, и я им воспользовался. Повторяю: Черный Лорд не в претензии, и я не понимаю, что не устраивает вас… Еще, кажется, вас занимал вопрос, – громче продолжил он, поскольку Беллатрикс явно не терпелось возразить, – почему я помешал Черному Лорду получить философский камень. Это легко объяснить. Черный Лорд, как и вы, не знал, может ли мне доверять, считал, что я превратился в комнатную собачку Думбльдора. Господин был в жалком состоянии, очень слаб и вынужден ютиться в теле убогой посредственности. Он не решался открыться бывшему стороннику – вдруг я сдал бы его Думбльдору или министерству? Искренне сожалею, что он

не доверился мне, – мог бы вернуться на три года раньше. А так я видел лишь недостойного слизняка, который хотел стащить камень, и, признаюсь, сделал все, чтобы этого не допустить.

Беллатрикс скривилась, словно от горькой микстуры.

– Но вы не присоединились к нам, когда он вернулся, не явились немедленно, по первому жжению Смертного Знака…

– Верно. Я вернулся двумя часами позже. По распоряжению Думбльдора.

– Думбльдора?! – возмущенно вскричала она.

– Подумайте! – ответил Злей, вновь начиная горячиться. – Раскиньте мозгами! Подождав два часа, всего два часа, я обеспечил себе возможность остаться в «Хогварце» осведомителем! Притворившись, будто возвращаюсь к Черному Лорду исключительно по приказу Думбльдора, я и сейчас могу передавать сведения о нем и Ордене Феникса! Рассудите, Беллатрикс: Смертный Знак становился ярче день ото дня; я, как все Упивающиеся Смертью, понимал, что Черный Лорд вот-вот вернется! У меня было время подумать, как поступить, рассчитать следующий шаг, выкрутиться подобно Каркарову, так ведь? Поверьте, Черный Лорд, хоть поначалу и рассердился на мое опоздание, сменил гнев на милость, едва я заверил его, что предан моему господину, как раньше, пусть даже Думбльдор считает меня своим человеком. Да, Черный Лорд думал, что я отступился от него навсегда, однако он ошибался.

– Но что полезного вы сделали? – зло усмехнулась Беллатрикс. – Какую ценную информацию раздобыли?

– Эту информацию я передал лично Черному Лорду, – сказал Злей. – Если он не счел возможным с вами поделиться…

– Он делится со мною всем! – мгновенно вспылила Беллатрикс. – Называет меня своим самым верным, самым преданным…

– Вот как? – осведомился Злей с легчайшим оттенком недоверия в голосе. – До сих пор, даже после фиаско в министерстве?

– Но я не виновата! – Беллатрикс покраснела. – Раньше Черный Лорд доверял мне самые личные… Если бы Люциус не…

– Не смей… не смей перекладывать вину на моего мужа! – тихим и страшным голосом произнесла Нарцисса, взглянув на сестру.

– Бессмысленно мериться, кто виноват и насколько, – примирительно сказал Злей. – Что сделано, то сделано.

– Главное, что не вами! – выкрикнула Беллатрикс. – Вы, как всегда, отсутствовали, пока другие подвергались опасности!

– Мне было приказано оставаться на месте, – холодно отозвался Злей. – Возможно, вы не согласны с Черным Лордом и считаете, что Думбльдор не заметил бы, если б в сражении с Орденом Феникса я перешел на сторону Упивающихся Смертью? И, уж простите… к вопросу об опасности… насколько я помню, вы имели дело с шестью подростками?

– К ним, как вам превосходно известно, вскоре присоединилась добрая половина Ордена! – зарычала Беллатрикс. – Кстати, чтоб не забыть: вы по-прежнему утверждаете, что не можете раскрыть местонахождение их штаб-квартиры?

– Я не Хранитель Тайны и не могу назвать адрес. Полагаю, вы в курсе, как работает заклятие? Черный Лорд вполне удовлетворен теми сведениями об Ордене, которые я передал. Благодаря им, как вы, вероятно, догадываетесь, удалось схватить и ликвидировать Эммелину Ванс, и они, безусловно, помогли избавиться от Блэка. Впрочем, признаю, тут главная заслуга принадлежит вам.

Он склонил голову и отсалютовал Беллатрикс кубком. Но она нисколько не смягчилась.

– Вы забыли о моем последнем вопросе, Злей. О Гарри Поттере. Целых пять лет вам предоставлялась возможность прикончить его в любой момент. Но вы не сделали этого. Почему?

– А вы обсуждали это с Черным Лордом? – поинтересовался Злей.

– Он… сейчас мы как-то… но я спрашиваю вас, Злей!

– Убей я Гарри Поттера, Черный Лорд не смог бы взять его кровь, возродиться и сделаться непобедимым…

– То есть вы предвидели, что он намерен использовать мальчишку? – ухмыльнулась Беллатрикс.

– Нет, я не имел ни малейшего представления о его планах и уже признался, что считал Черного Лорда погибшим. Я всего лишь пытаюсь объяснить, почему Черного Лорда, во всяком случае еще год назад, нисколько не печалило, что Поттер остался жив…

– Но почему он жив?

– Вы меня не слушаете? Я не угодил в Азкабан исключительно благодаря заступничеству Думбльдора! Вам не кажется, что смерть любимого ученика могла бы настроить его против меня? Но есть и нечто большее. Напомню, что, когда Поттер только появился в «Хогварце», о нем ходила масса разных слухов: якобы он сам – великий черный колдун, потому и пережил нападение Черного Лорда. В то время многие наши соратники полагали, что Поттер станет знаменем, вокруг которого мы объединимся. Признаюсь, мне было любопытно, я не горел желанием прикончить мальчишку, едва он переступит порог замка… Однако вскоре мне стало ясно, что у него нет никаких экстраординарных способностей. Ему удавалось выпутываться из передряг благодаря исключительной удачливости и помощи одаренных друзей. Поттер – посредственность до мозга костей, хотя заносчив и самоуверен, как его отец. Я делал все, чтобы его вышвырнули из «Хогварца», где, по моему убеждению, ему совсем не место, но убить или позволить ему погибнуть у меня на глазах? При Думбльдоре? Только идиот пошел бы на такой риск.

– Стало быть, мы должны верить, что Думбльдор так вас ни в чем и не заподозрил? – осведомилась Беллатрикс. – Он не догадывается о ваших истинных убеждениях и всецело вам доверяет?

– Я хорошо играю свою роль, – ответил Злей. – А вот вы не поняли, в чем слабое место Думбльдора: он предпочитает думать о людях хорошо. Когда я, вчерашний Упивающийся Смертью, пришел работать в школу, мне хватило

изобразить глубочайшее раскаяние, и Думбльдор принял меня с распростертыми объятиями – хотя, как уже говорилось, старался не подпускать меня к черной магии. Думбльдор был одним из величайших колдунов… да-да, – (при этих словах Беллатрикс зашипела), – сам Черный Лорд это признает. Однако рад сообщить, что Думбльдор начал сдавать. Дуэль с Черным Лордом его подкосила. Затем он получил тяжелую рану – реакция уже не та. Но, так или иначе, все эти годы он верил Злотеусу Злею, в чем, по мнению Черного Лорда, и заключается моя великая ценность.

Беллатрикс по-прежнему смотрела скептически, но явно не знала, чем еще поддеть Злея. Тот, воспользовавшись ее молчанием, обратился к Нарциссе:

– Но… ты, кажется, пришла просить о помощи?

Нарцисса подняла к нему скорбное лицо:

– Да. Злотеус, ты… единственный, кто может помочь, больше мне не к кому обратиться. Люциус в тюрьме и…

Она закрыла глаза. Из-под ресниц медленно выползли две большие слезы.

– Черный Лорд запретил мне говорить об этом, – продолжала Нарцисса, не поднимая век. – Он не желает, чтобы о его плане знали. Это… страшный секрет. Но…

– Если он запретил, ты не должна говорить, – перебил Злей. – Слово Черного Лорда – закон.

Нарцисса коротко вскрикнула, будто ее окатили холодной водой. У Беллатрикс впервые с прихода сюда сделалось довольное лицо.

– Видишь? – победно завопила она сестре. – Даже Злей говорит: нельзя, значит, молчи!

Злей между тем встал, подошел к окошку, выглянул, слегка отодвинув занавеску, и тут же ее задернул. Потом хмуро обернулся к Нарциссе.

– Так случилось, что я знаю о плане, – тихо сказал он. – Я один из немногих, кого Черный Лорд посвятил в свои намерения. Тем не менее, Нарцисса, не знай я секрета, ты совершила бы чудовищное предательство.

– Я так и думала, что ты знаешь! – Нарцисса вздохнула свободнее. – Он так тебе доверяет, Злотеус…

– Вы знаете о плане? – Радость Беллатрикс мгновенно сменилась возмущением. – Вы?

– Разумеется, – подтвердил Злей. – Но о какой помощи речь, Нарцисса? Если ты думаешь, что я смогу переубедить Черного Лорда, то на это нечего и надеяться.

– Злотеус, – прошептала Нарцисса, и по ее щекам потекли слезы. – Это же мой сын… мой единственный сын…

– Драко должен гордиться, – равнодушно произнесла Беллатрикс. – Черный Лорд оказал ему великую честь. И я вот что скажу: Драко не пытается увильнуть от исполнения долга, он рад, даже счастлив возможности проявить себя…

Нарцисса зарыдала, не сводя умоляющего взгляда со Злея:

– Ему всего шестнадцать, он не представляет, что его ждет! За что, Злотеус? Почему именно мой сын? Испытание ему не по силам! Это месть за ошибку Люциуса, я уверена!

Злей молчал. Он отвернулся от рыдающей Нарциссы, будто это неприличное зрелище, но не мог притворяться, будто не слышит.

– Поэтому он выбрал Драко, да? – настаивала она. – Чтобы наказать Люциуса?

– Если Драко преуспеет, – сказал Злей, по-прежнему глядя в сторону, – его наградят превыше остальных.

– Но он не преуспеет! – всхлипнула Нарцисса. – Как ему преуспеть, если сам Черный Лорд…

Беллатрикс в ужасе ахнула; Нарцисса оробела.

– Я только хотела сказать… что еще никому… Злотеус… пожалуйста… ты всегда был любимым учителем Драко… ты старый друг Люциуса… умоляю… Черный Лорд ценит тебя больше всех, он тебе очень доверяет… ты пойдешь к нему, уговоришь его?..

– Я не настолько глуп, – бесцветно ответил Злей. – Черного Лорда нельзя уговорить. И он, не стану скрывать, сердит на Люциуса. На твоего мужа была возложена большая ответственность. А он попался вместе с другими и не сумел раздобыть пророчество. Да, Нарцисса, Черный Лорд зол на него, очень зол.

– Значит, я права, он выбрал Драко в отместку! – задохнулась Нарцисса. – Он не хочет, чтобы Драко выполнил задание, он хочет, чтобы мой сын погиб при попытке!..

Злей не ответил, и Нарцисса потеряла остатки самообладания. Она встала, неверными шагами подошла к Злею и схватила его за грудки. Стоя к нему очень близко – ее слезы падали ему на мантию, – она хрипло зашептала:

– Ты можешь это сделать! Вместо Драко, Злотеус! У тебя получится, обязательно, и он тебя наградит, вознесет до небес…

Злей схватил Нарциссу за запястья и отвел ее руки. Глядя вниз на ее заплаканное лицо, он медленно сказал:

– Думаю, в конечном итоге он на меня и рассчитывает. Но сначала хочет испытать Драко. Понимаешь, в том невероятном случае, если Драко справится, я смогу еще ненадолго остаться в «Хогварце» разведчиком.

– Другими словами, ему все равно, если Драко погибнет!

– Черный Лорд очень сердит, – тихо повторил Злей. – Он не услышал пророчества. Ты знаешь не хуже меня, Нарцисса, как нелегко заслужить его прощение.

Нарцисса, стеная и всхлипывая, бросилась Злею в ноги.

– Единственный сын… Мой единственный сын…

– Ты должна гордиться! – вмешалась безжалостная Беллатрикс. – Будь у меня сыновья, я бы пожертвовала их Черному Лорду!

Нарцисса издала тихий вопль и вцепилась себе в волосы. Злей наклонился, схватил ее за руки, поднял и отвел к дивану. Затем налил вина и заставил ее взять кубок:

– Хватит, Нарцисса. Выпей. И послушай меня.

Притихнув, она дрожащими руками поднесла к губам вино, плеснув себе на грудь.

– Думаю, я смогу помочь Драко.

Она села прямее и подняла к нему лицо, белое как бумага, с огромными отчаянными глазами.

– Злотеус… о Злотеус… ты поможешь ему? Присмотришь за ним, проследишь, чтобы ничего не случилось?

– Попытаюсь.

Она резко отставила кубок; тот скатился со столика. Нарцисса упала перед Злеем на колени, ладонями обхватила его руку и прижалась к ней губами.

– Ты будешь с ним, ты защитишь его… Злотеус, правда? Ты согласен дать Нерушимую клятву?

– Нерушимую клятву? – Лицо Злея было бесстрастно и непроницаемо, однако Беллатрикс неприятно, торжествующе расхохоталась:

– Ты, похоже, не слушала, Нарцисса? О, конечно, он попытается, как же… пустые слова, он, как всегда, сумеет отвертеться… По приказу Черного Лорда, разумеется!

Злей даже не взглянул на Беллатрикс. Его черные глаза были прикованы к голубым, полным слез глазам Нарциссы. Она не выпускала его руки.

– Конечно, я дам Нерушимую клятву, – тихо проговорил он. – Надеюсь, твоя сестра согласится быть нашим Скрепчим?

Беллатрикс разинула рот. Злей опустился на колени перед Нарциссой, и под изумленным взглядом Беллатрикс они сцепили правые руки.

– Вам понадобится палочка, Беллатрикс, – холодно напомнил Злей.

Та, все еще в потрясении, вытащила палочку.

– И вы должны подойти поближе, – сказал Злей.

Она шагнула вперед, встала над ними и приставила кончик волшебной палочки к их сцепленным рукам.

Нарцисса заговорила:

– Клянешься ли ты, Злотеус, не оставлять вниманием моего сына Драко все время, что он будет выполнять задание Черного Лорда?

– Клянусь, – ответил Злей.

Тонкий язычок яркого пламени выстрелил из волшебной палочки и раскаленной проволокой обвил их руки.

– Клянешься ли ты защищать его до последней возможности?

– Клянусь, – ответил Злей.

Палочка снова выпустила язычок пламени, тот переплелся с первым, и вместе они образовали тонкую светящуюся цепочку.

– А если будет необходимо… если станет ясно, что Драко не сумеет… – прошептала Нарцисса (рука Злея дрогнула, но он не отнял ее), – клянешься ли ты закончить дело, которое Черный Лорд поручил моему сыну?

Повисло молчание. Беллатрикс глядела широко распахнутыми глазами, не убирая волшебной палочки от их ладоней.

– Клянусь, – сказал Злей.

Оторопелое лицо Беллатрикс тускло осветилось красным: палочка выпустила третий язычок пламени. Он переплелся с первыми двумя и накрепко связал сцепленные руки Нарциссы и Злея – как веревка, как огненная змея.

Глава третья

Что придет и кто не пойдет

Гарри Поттер громко храпел у себя в комнате. Он почти четыре часа просидел в кресле у окна, глядя, как сгущаются сумерки, и в конце концов заснул, припав щекой к холодному стеклу. Очки съехали набок, рот открылся; от дыхания на стекле появилось мутное пятно, которое посверкивало оранжевым в свете уличного фонаря. Мертвенное освещение обесцветило лицо Гарри; под шапкой черных волос оно казалось восковым.

Вся комната была забросана вещами и каким-то мусором. На полу валялись совиные перья, яблочные огрызки, фантики; на кровати беспорядочной кучей – одежда и книги заклинаний; в круге света на письменном столе – ворох газет. На одной выделялся заголовок:

ГАРРИ ПОТТЕР: ИЗБРАННЫЙ?

Не утихают слухи о загадочном пугающем происшествии в министерстве магии – которое, как утверждается, было отмечено внезапным появлением Того-Кто-Не-

Должен-Быть-Помянут.

«Нам запрещено это обсуждать, так что без комментариев», – сказал вчера ночью один из амнезиаторов, покидая министерство. Он был явно взволнован и пожелал сохранить анонимность.

Между тем наш весьма высокопоставленный источник в правительстве подтверждает, что вышеупомянутое происшествие напрямую связано с легендарным Залом Пророчеств.

Пресс-служба министерства отрицает факт существования Зала, однако среди населения растет убежденность в том, что банда Упивающихся Смертью, которые впоследствии были помещены в Азкабан, проникла в здание с целью выкрасть некое пророчество. В чем суть этого пророчества, пока неясно, но оно якобы касается Гарри Поттера, единственного человека, которому удалось пережить убийственное проклятие; по имеющимся сведениям, сам Поттер тоже стал участником означенных событий. Некоторые даже называют этого юношу «избранным»: пророчество будто бы гласит, что именно ему предстоит избавить мир от Того-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут.

Нынешнее местонахождение пророчества, если таковое существует, неизвестно, хотя (продолжение см. стр. 2, колонка 5).

Рядом лежала другая газета, со статьей, озаглавленной:

ФУДЖ УСТУПАЕТ ПОСТ СКРИМДЖЕРУ

Почти всю первую полосу занимала черно-белая фотография человека с густой гривой и довольно измученным лицом. Он сильно напоминал льва. Изображение двигалось – человек махал кому-то на потолке.

Руфус Скримджер, в недавнем прошлом глава дивизиона авроров департамента защиты магического правопорядка, сменил Корнелиуса Фуджа на посту министра магии. Колдовская общественность встретила это событие с большим энтузиазмом, невзирая на то, что спустя считаные часы после назначения

поползли слухи о разногласиях между Скримджером и Альбусом Думбльдором, вновь занявшим место Верховного Ведуна Мудрейха.

Пресс-служба Скримджера подтверждает факт его совещания с Думбльдором, но отказывается комментировать обсуждавшиеся в ходе встречи вопросы. Альбус Думбльдор известен как (продолжение см. стр. 3, колонка 2).

Слева лежала еще одна газета, развернутая на статье «Министерство гарантирует полную безопасность учащихся».

Новоиспеченный министр магии Руфус Скримджер сегодня рассказал о строгих мерах, которые помогут обеспечить безопасность учащихся «Хогварца» в наступающем учебном году.

«Министерство разработало очень жесткий план действий, в подробности которого мы, по очевидным причинам, вдаваться не станем», – заявил Скримджер. При этом источник в министерстве подтвердил, что упомянутые меры включают в себя защитные заклинания и заговоры, сложный комплекс контрзаклятий, а также создание оперативного отряда авроров, занятого исключительно охраной «Хогварца».

Общественность в целом удовлетворена твердой позицией министерства по вопросу безопасности школьников. Миссис Августа Лонгботтом отмечает: «Мой внук Невилл – кстати, добрый друг Гарри Поттера, с которым они в июне бок о бок сражались против Упивающихся Смертью…»

Окончание статьи скрывалось под большой птичьей клеткой, где сидела роскошная белая сова. Она царственно озирала помещение янтарными глазами, а время от времени поворачивала голову к храпящему хозяину и недовольно щелкала клювом, но Гарри спал очень крепко и ничего не слышал.

Посреди комнаты стоял выжидательно открытый сундук – почти пустой, если не считать старого белья, пары конфет, нескольких пустых чернильниц и сломанных перьев на самом дне. Возле сундука на полу валялась фиолетовая

памятка с красиво выведенным текстом:

ПО ЗАКАЗУ МИНИСТЕРСТВА МАГИИ

КАК ЗАЩИТИТЬ ОТ ЗЛЫХ ЧАР СВОЙ ДОМ И РОДНЫХ

В настоящее время колдовскому сообществу угрожает организация, носящая название «Упивающиеся Смертью». Ниже приведены простые правила, которые помогут вам защитить от нападения себя, свою семью и жилище.

1. Не выходите из дома поодиночке.

2. Соблюдайте особую осторожность в темное время суток. По возможности не путешествуйте после захода солнца.

3. Проверьте, насколько хорошо защищен ваш дом; убедитесь, что все члены семьи осведомлены о таких экстренных мерах защиты, как заградительное и прозрачаровальное заклятия, а также параллельное аппарирование (для лиц, не достигших совершеннолетнего возраста).

4. Составьте и согласуйте с близкими список контрольных вопросов, которые позволят опознать Упивающихся Смертью, принявших чужой облик с помощью всеэссенции (см. стр. 2).

5. Если кто-то из ваших близких, коллег, знакомых или соседей ведет себя странно, срочно свяжитесь с департаментом защиты магического правопорядка. Эти люди могут находиться под воздействием проклятия подвластия (см. стр. 4).

6. При появлении над жилым домом либо иным зданием Смертного Знака НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ВХОДИТЕ ТУДА и незамедлительно свяжитесь с дивизионом авроров.

7. По неподтвержденным данным, Упивающиеся Смертью используют инферний (см. стр. 10). Обо всех случаях появления инферний и столкновениях с ними СРОЧНО сообщайте в министерство.

Гарри заворчал во сне. Его щека съехала ниже по стеклу, очки еще больше перекосились, но он не проснулся. На подоконнике стоял будильник, починенный Гарри несколько лет назад, – он громко тикал и показывал без одной минуты одиннадцать. Рядом лежал пергамент, исписанный тонким косым почерком; Гарри прикрывал его обмякшей рукой. За последние три дня письмо перечитывали столько раз, что тугой свиток полностью распрямился.

Дорогой Гарри,

Надеюсь, что не причиню особенных неудобств, если в одиннадцать вечера ближайшей пятницы прибуду на Бирючинную улицу, дом № 4. Мне хотелось бы лично проводить тебя в «Гнездо», куда ты приглашен до конца школьных каникул.

Также, если ты согласишься, буду благодарен за помощь в одном деле, которое я надеюсь решить по дороге в «Гнездо». О подробностях расскажу при встрече.

Очень прошу ответить той же совой.

С нетерпением жду встречи в пятницу,

искренне твой

Альбус Дамблдор

Гарри давно выучил послание наизусть, но все равно с семи вечера – как только занял пост у окна своей комнаты, откуда неплохо просматривалась вся Бирючинная улица, – беспрерывно в него заглядывал, хоть и понимал, что это бессмысленно. Он ответил «да» той же совой, как его и просили; теперь оставалось лишь ждать, появится Думбльдор или нет.

Но складывать вещи Гарри не стал. Пробыть у Дурслеев всего две недели и отчалить? Счастье казалось неправдоподобным, и Гарри терзали опасения. Что-нибудь непременно пойдет не так: или его ответ затеряется, или Думбльдор не сможет, или вообще выяснится, что все это – чья-то дурацкая шутка, или

обманка, или ловушка. Гарри знал, что попросту не переживет, если придется разбирать вещи снова, а потому сумел сделать только одно – запер в клетке белоснежную Хедвигу.

Минутная стрелка будильника перескочила на двенадцать, и в тот же миг фонари за окном дружно погасли.

Гарри сразу проснулся, словно внезапная темнота была сигналом тревоги. Он поправил очки, отлепил от стекла щеку, прижал к нему нос и, сощурившись, уставился на улицу. На садовой дорожке появилась высокая фигура в длинном развевающемся плаще.

Гарри будто током ударило. Он вскочил, опрокинув кресло, и принялся хватать с пола все подряд. Едва в сундук полетели мантия, два учебника заклинаний и пакет чипсов, раздался звонок.

На первом этаже, в гостиной, дядя Вернон закричал:

– Что за осел прется на ночь глядя?!

Гарри замер с медным телескопом в одной руке и кроссовками – в другой. Кошмар – он же не сказал родственникам о Думбльдоре! Подавляя нервный смех, Гарри перелез через сундук, распахнул дверь и услышал:

– Добрый вечер. Вы, должно быть, мистер Дурслей? Надеюсь, ваш племянник предупредил, что я его забираю?

Гарри огромными скачками сбежал по лестнице, но резко притормозил за пару ступеней до подножия: богатый жизненный опыт научил его держаться от дяди подальше. На пороге стоял высокий худой человек с длинными, до пояса, серебристыми волосами и бородой. Он был в черном дорожном плаще и остроконечной шляпе; на крючковатом носу сидели очки со стеклами-полумесяцами. Вернон Дурслей в красно-коричневом халате остолбенело взирал на Думбльдора крошечными недобрыми глазками. Его черные усы своей пышностью ничуть не уступали усам гостя.

– Судя по вашему изумлению, Гарри забыл сообщить о моем визите, – приятно сказал Думбльдор. – Тем не менее давайте представим, что вы любезно пригласили меня в дом. В наше беспокойное время неразумно подолгу держать двери открытыми.

Он проворно переступил порог и затворил за собой дверь.

– Давненько я здесь не был, – продолжал он, взирая на дядю Вернона поверх крючковатого носа. – Надо же, как разрослись агапантусы.

Дурслей тупо молчал. Было видно, что дар речи вернется к нему, и очень скоро – на его виске с опасной частотой пульсировала жилка, – но пока что он едва дышал, не то смутившись из-за явной волшебности облика Думбльдора, не то понимая, что гостя ничем не запугаешь.

– А, вот и ты! Здравствуй. – Думбльдор заметил Гарри и радостно поглядел на него сквозь полумесяцы очков. – Прекрасно, прекрасно.

Эти слова вывели дядю Вернона из ступора. Тому, кто считает, что Гарри – это «прекрасно», в доме Дурслеев не место.

– Не хочу показаться грубым… – весьма хамским тоном начал он.

– …однако грубость, к сожалению, явление в наши дни весьма распространенное, – сурово закончил за него Думбльдор. – Так что, дорогой вы мой, лучше ничего и не говорить! А вот, кажется, и Петуния.

Действительно на пороге кухни появилась тетя Петуния в халате поверх ночной рубашки и резиновых перчатках – перед отходом ко сну она всегда протирала все поверхности. На ее лошадином лице было написано крайнее потрясение.

– Альбус Думбльдор, – отрекомендовался гость, когда понял, что дядя Вернон не намерен представлять его супруге. – Впрочем, мы знакомы по переписке.

Гарри подумал, что одно взрывающееся письмо едва ли тянет на переписку, но тетя Петуния не стала оспаривать терминологию.

– А это, надо полагать, ваш сын Дудли?

Дудли в полосатой пижаме высунул из гостиной большую блондинистую голову. Казалось, что она висит в воздухе сама по себе, разевая рот в страхе и изумлении. Думбльдор помолчал секунду-другую, ожидая какой-нибудь реплики от хозяев дома, но пауза явно затянулась, и он улыбнулся:

– Предлагаю вообразить, что вы пригласили меня в гостиную.

Дудли поспешно убрался с дороги, и Думбльдор прошел в комнату. Гарри, как был, с кроссовками и телескопом, спрыгнул с лестницы и направился следом. Думбльдор уселся в кресло у камина и с доброжелательным интересом завертел головой, рассматривая обстановку, в которой, надо сказать, выглядел на редкость неуместно.

– Разве… нам не пора, сэр? – беспокойно спросил Гарри.

– Да-да, конечно. Но прежде я хотел кое-что обсудить, – ответил Думбльдор. – Предпочтительно в закрытом помещении. Мы лишь чуть-чуть злоупотребим гостеприимством твоих дяди и тети.

– Ах вот, значит, как?

В комнату ворвался Вернон Дурслей. Из-за его спины выглядывала Петуния; сзади крался Дудли.

– Да, – спокойно отозвался Думбльдор, – именно так.

Он с молниеносной быстротой выхватил волшебную палочку – Гарри даже не заметил, как это произошло, – и легонько ею взмахнул. Диван тут же выехал вперед, стукнул под коленки Дурслеев, и те кучей повалились на подушки. Еще одно едва заметное движение – и диван столь же стремительно вернулся на место.

– А раз уж так, почему бы не посидеть с комфортом, – мило улыбнулся Думбльдор.

Он сунул палочку в карман, и Гарри заметил, что рука его почернела и сморщилась, словно на ней обгорела вся плоть.

– Сэр, что с вашей…

– После, Гарри, – перебил Думбльдор. – Пожалуйста, сядь.

Гарри занял второе кресло, избегая смотреть на потрясенно молчавших Дурслеев.

– Хотелось надеяться, что мне предложат выпить чего-нибудь с дороги, – сказал Думбльдор дяде Вернону, – однако вижу, что ждать этого от вас было бы с моей стороны оптимизмом на грани глупости.

Третий взмах палочкой – и в воздухе появилась запыленная бутыль и пять кубков. Бутыль наклонилась, щедро разлила темно-золотистую жидкость, и напитки разлетелись к присутствующим.

– Лучший мед мадам Росмерты, настоянный в дубовых бочках, – объявил Думбльдор, поднимая кубок и глядя на Гарри. Тот отпил. Раньше он никогда не пробовал меда, но ему страшно понравилось. Дурслеи испуганно переглянулись, безуспешно делая вид, что не замечают свои кубки, однако те упорно тыкались им в щеки. Гарри одолевало сильное подозрение, что Думбльдор от души развлекается.

– Итак, – начал тот, повернувшись к Гарри, – мы попали в непростую ситуацию, которую, надеюсь, ты поможешь разрешить. «Мы» – это Орден Феникса. Однако прежде позволь сообщить, что на прошлой неделе нашлось завещание Сириуса и он оставил тебе все свое имущество.

Дядя Вернон мигом насторожился, но Гарри на него даже не взглянул. Слова не шли с языка, и он лишь промямлил:

– А-а. Понятно.

– В целом все просто, – продолжал Думбльдор. – К твоему счету в «Гринготтсе» добавляется круглая сумма, и к тебе же переходит личное имущество Сириуса.

Единственная проблема заключается в том…

– Его крестный отец умер? – раздался с дивана громкий голос дяди Вернона. Думбльдор и Гарри дружно повернулись к нему. Кубок с медом требовательно стучал Дурслею в висок; тот попытался сбить его ладонью. – Умер? Крестный?

– Да, – подтвердил Думбльдор, не спрашивая, почему Гарри не сообщил об этом сам, и как ни в чем не бывало прибавил: – Проблема в том, что дом № 12 на площади Мракэнтлен тоже достался тебе.

– Он унаследовал дом? – жадно сузив глазки, переспросил дядя Вернон, но ему никто не ответил.

– Пусть там останется штаб-квартира, – пробормотал Гарри. – Мне все равно. Пользуйтесь, мне ничего не нужно. – Ему и под страхом смерти не хотелось возвращаться в особняк Блэков, где его бесконечно преследовали бы воспоминания о Сириусе, который считал этот мрачный, замшелый дом своей тюрьмой.

– Благородное решение, – отозвался Думбльдор. – Тем не менее нам пришлось временно выехать.

– Почему?

– Видишь ли, – сказал Думбльдор, не обращая внимания на бубнеж дяди Вернона, которого долбил по голове настырный кубок с медом, – по традиции фамильный особняк должен перейти к следующему представителю рода Блэков по мужской линии. Сириус был последним: его младший брат Регул умер раньше, и оба не имели детей. В завещании ясно сказано, что дом остается тебе, однако не исключено, что он защищен заклятиями и владельцем может стать только чистокровный Блэк.

Гарри живо вспомнил вопящий и плюющийся портрет матери Сириуса в холле номера 12.

– Да уж наверняка, – буркнул он.

– Вот-вот, – кивнул Думбльдор. – И если так, дом, вероятнее всего, отойдет старшему из ныне здравствующих родственников Сириуса, а именно его кузине Беллатрикс Лестранж.

Гарри сам не заметил, как вскочил с кресла; телескоп и кроссовки, лежавшие у него на коленях, покатились по полу. Беллатрикс Лестранж, убийца Сириуса, унаследует его дом?

– Нет.

– Нам бы тоже не хотелось, чтобы она его получила, – спокойно проговорил Думбльдор. – Но тут полно сложностей. Например, мы не знаем, удержится ли наша собственная защита теперь, когда дом больше не принадлежит Сириусу. Вдруг Беллатрикс в любой момент может появиться на пороге? Естественно, нам пришлось выехать, пока положение не прояснится.

– Но как узнать, мой дом или нет?

– К счастью, – ответил Думбльдор, – проверить довольно просто.

Он отставил пустой кубок на столик рядом с креслом, но больше ничего сделать не успел, потому что дядя Вернон истошно заорал:

– Может, уберете эти проклятущие штуки?

Гарри оглянулся. Дурслеи прикрывали головы руками: кубки выплясывали у них на макушках, во все стороны разбрызгивая мед.

– Ах, простите, виноват, – промолвил Думбльдор и поднял волшебную палочку. Кубки исчезли. – Только, знаете, гораздо вежливей было бы выпить.

Судя по лицу дяди Вернона, у него на языке вертелось множество ядовитых ответов, но он лишь сильнее вжался в спинку дивана рядом с женой и сыном и промолчал, не сводя поросячьих глазок с волшебной палочки.

– Понимаешь, – Думбльдор снова повернулся к Гарри, – если ты правда унаследовал дом, то тебе достался и…

Он в пятый раз взмахнул палочкой. Раздался громкий треск, и на ворсистом ковре гостиной появился домовый эльф в каких-то грязных тряпках. У него были большие, как у летучей мыши, уши, нос-хоботок и огромные, в кровавых прожилках, глаза. Тетя Петуния пронзительно завизжала: такая пакость да на ее ковре! Дудли мигом подобрал большие босые ноги и поднял их чуть ли не выше головы, словно опасаясь, что гадкое существо влезет на него по пижамным штанам. А дядя Вернон громко зарычал:

– Это что еще за мразь?

– Шкверчок, – договорил наконец Думбльдор.

– Шкверчок не пойдет, не пойдет, не пойдет! – скрипуче и почти так же громко, как дядя Вернон, затараторил домовый эльф. Он топал длинными шишковатыми ступнями и исступленно тянул себя за уши. – Шкверчок служит мисс Беллатрикс, да-да-да, Шкверчок служит Блэкам, Шкверчок хочет к новой хозяйке и не пойдет служить поганому Поттеру, не пойдет, не пойдет, не пойдет!

– Как видишь, Гарри, – повысив голос, чтобы заглушить непрерывное «не пойдет, не пойдет, не пойдет», сказал Думбльдор, – Шкверчок выражает нежелание переходить под твое покрови-ельство.

– Ну и наплевать, – буркнул Гарри, гадливо посмотрев, как эльф корчится и топает ногами. – Мне он не нужен.

– Не пойдет, не пойдет, не пойдет, не пойдет…

– Ты предпочтешь, чтобы он достался Беллатрикс Лестранж? Зная, что весь последний год он жил при штаб-квартире Ордена Феникса?

– Не пойдет, не пойдет, не пойдет, не пойдет…

Гарри поглядел на Думбльдора. Ясно, что Шкверчка нельзя отдавать Беллатрикс, но… Стать хозяином и отвечать за того, кто предал Сириуса? Самая мысль отвратительна.

– Отдай ему какой-нибудь приказ, – предложил Думбльдор. – Если Шкверчок теперь твой, он будет вынужден повиноваться. А если нет, нам придется найти способ не пустить его к законной хозяйке.

– Не пойдет, не пойдет, не пойдет, НЕ ПОЙДЕТ!

Крики перешли в завывания, и Гарри не придумал ничего лучше, кроме как цыкнуть:

– Шкверчок, заткнись!

Тот словно подавился. Он выпучил глаза и, не переставая разевать рот, схватился за горло. Несколько секунд эльф судорожно пытался сглотнуть, а потом бросился лицом на ковер (тетя Петуния горестно заскулила) и в отчаянной, хоть и абсолютно безмолвной истерике заколотил по полу руками и ногами.

– Что ж, это все упрощает, – обрадовался Думбльдор. – Сириус знал, что делает. Гарри, ты – законный владелец дома номер двенадцать по площади Мракэнтлен и Шкверчка.

– А обязательно… чтобы он жил со мной? – Гарри в ужасе посмотрел на эльфа, извивающе-гося у него под ногами.

– Нет, раз ты этого не хочешь, – ответил Думбльдор. – Если не возражаешь, предлагаю отправить его в «Хогварц», на кухню. Там он будет под присмотром у наших эльфов.

– Да, – с облегчением согласился Гарри, – так и сделаем. Эмм… Шкверчок! Хочу, чтобы ты отправился в «Хогварц» и работал на кухне вместе с другими эльфами.

Шкверчок – он теперь лежал на спине и сосредоточенно сучил сразу всеми конечностями – окинул Гарри взором, полным невыразимого омерзения, и с громким хлопком исчез.

– Прекрасно, – сказал Думбльдор. – Но есть еще гиппогриф, Конькур. После смерти Сириуса за ним приглядывал Огрид, но теперь Конькур твой, и если у

тебя есть иные соображения…

– Нет, – сразу ответил Гарри, – пусть остается с Огридом. По-моему, самому Конькуру тоже так лучше.

– Огрид будет в восторге, – улыбнулся Думбльдор. – Он так радовался встрече. Кстати, в интересах безопасности мы решили временно переименовать Конькура в Курокрыла, хотя вряд ли в министерстве догадаются, что это тот самый гиппогриф, которому они когда-то вынесли смертный приговор. Ну-с, Гарри, ты упаковал вещи?

– Э-э-э…

– Сомневался, что я появлюсь? – усмехнулся проницательный Думбльдор.

– Я сейчас… мигом… закончу, – выпалил Гарри, хватая с пола телескоп и кроссовки.

На сборы ушло чуть больше десяти минут. Наконец Гарри выудил из-под кровати плащ-невидимку, завинтил пузырек с разноцветными чернилами, сунул их в сундук, водрузил поверх котел и с трудом закрыл крышку. После чего, одной рукой волоча сундук, а в другой держа клетку с Хедвигой, спустился на первый этаж.

Он огорчился, не обнаружив в холле Думбльдора, – придется еще раз заходить в гостиную.

Там все молчали. Думбльдор тихонько напевал и явно чувствовал себя вполне комфортно, но в целом атмосфера густотой напоминала застывший заварной крем. Гарри, не осмеливаясь взглянуть на родственников, сказал:

– Профессор, я готов.

– Прекрасно, – отозвался Думбльдор. – Остается последнее. – Он повернулся к Дурслеям: – Вам, без сомнения, известно, что через год Гарри станет совершеннолетним…

– Нет, – возразила тетя Петуния. Это было первое, что она произнесла за все время.

– Простите? – вежливо переспросил Думбльдор.

– Не достигнет. Он на месяц младше Дудлика, а тому восемнадцать только через два года.

– Вот как, – любезно проговорил Думбльдор. – Но колдуны достигают совершеннолетия в семнадцать.

Дядя Вернон пробормотал «вот придурки», но Думбльдор проигнорировал это замечание.

– Далее. Вы знаете, что в страну вернулся пресловутый лорд Вольдеморт. В колдовском сообществе идет война. Гарри, которого лорд Вольдеморт неоднократно пытался убить, грозит опасность – куда большая, чем пятнадцать лет назад, когда я оставил его на вашем пороге с письмом, где рассказывалось о гибели его родителей. Помнится, я выразил надежду, что вы будете заботиться о мальчике как о собственном сыне.

Думбльдор помолчал. Он говорил размеренно и спокойно, без гнева, но сейчас от него ощутимо повеяло холодом, и Гарри заметил, что Дурслеи теснее прижались друг к другу.

– Вы не выполнили мою просьбу; никогда не считали Гарри своим. Он не видел от вас ничего, кроме пренебрежения, а зачастую и жестокости. Тем не менее хорошо уже то, что вы не сумели навредить ему столь же страшно, как несчастному мальчику, который сидит между вами.

Тетя Петуния и дядя Вернон инстинктивно повернули головы к Дудли, точно между ними мог оказаться не он, а кто-то другой.

– Мы – Дудлику?! Да что вы такое?.. – гневно начал дядя Вернон, но Думбльдор поднял палец, призывая к молчанию, и дядю Вернона словно поразила немота.

– Волшебная защита, которую я создал пятнадцать лет назад, обеспечивает безопасность Гарри до тех пор, пока он может называть ваш дом своим. Он был здесь несчастен, не нужен, обижен, но вы, пусть и скрепя сердце, давали ему кров. Защита перестанет действовать в тот миг, когда Гарри исполнится семнадцать; другими словами, как только он станет мужчиной. Я прошу об одном: разрешить Гарри вернуться к вам еще один раз, чтобы защитить его хотя бы до семнадцатилетия.

Дурслеи молчали. Дудли хмурился, точно пытался понять, когда и как ему навредили. У дяди Вернона будто кусок застрял в горле, а тетя Петуния странно раскраснелась.

– Что же, Гарри… нам пора. – Думбльдор встал и расправил длинный плащ. – До встречи, – сказал он Дурслеям, которые, похоже, горячо пожелали, чтобы встреча никогда не состоялась, затем надел шляпу и вышел из комнаты.

– До свидания, – торопливо бросил Гарри и поспешил за Думбльдором. Тот задержался у сундука, на котором стояла клетка с Хедвигой.

– Это нам будет мешать. – Он опять достал волшебную палочку. – Я отошлю твои вещи в «Гнездо». Впрочем, плащ-невидимку лучше захватить… на всякий случай.

Гарри не без труда извлек из сундука плащ, постаравшись, чтобы Думбльдор не заметил беспорядка внутри. Потом спрятал плащ во внутренний карман куртки, и Думбльдор взмахнул палочкой. Сундук и клетка исчезли. Думбльдор повел палочкой еще раз. Дверь распахнулась. За ней чернела холодная туманная мгла.

– Ну-с, Гарри, вперед, в ночь, за этой ветреной искусительницей – авантюрой.

Глава четвертая

Гораций Дивангард

Последние несколько дней Гарри только и делал, что ждал встречи с Думбльдором, но теперь, когда они оказались вдвоем, очень смутился. Раньше

они общались только в школе, и обычно их разделял письменный стол. А воспоминание о последней встрече лишь добавляло неловкости: в тот раз Гарри много кричал и вдобавок расколотил немало ценных для Думбльдора вещей.

Однако Думбльдора это, по всей видимости, не заботило.

– Держи палочку наготове, Гарри, – жизнерадостно приказал он.

– Мне же нельзя колдовать вне школы…

– Если на нас нападут, – сказал Думбльдор, – разрешаю тебе воспользоваться любым контрзаклятием или контрпорчей, какие придут в голову. Впрочем, сегодня тебе вряд ли стоит опасаться.

– Почему, сэр?

– Потому что ты со мной, – просто ответил Думбльдор. – Этого достаточно.

Он остановился на углу Бирючинной улицы и спросил:

– Ты еще не сдавал на аппарирование?

– Нет, – помотал головой Гарри, – это же только с семнадцати.

– Верно, – отозвался Думбльдор. – Тогда просто крепко держись за мою руку. Левую, если не возражаешь; ты, вероятно, заметил, что правая у меня слегка не в порядке.

Гарри ухватился за его руку.

– Замечательно, – произнес Думбльдор, – поехали.

Гарри почувствовал, что рука Думбльдора вырывается из пальцев, и усилил хватку. В следующий миг все вокруг почернело; Гарри сжало со всех сторон. Он не мог дышать, ребра стянуло железным обручем; глаза и уши словно вдавливало внутрь черепа, а потом…

Он несколько раз судорожно глотнул холодный ночной воздух и открыл слезящиеся глаза. Его как будто пропихнули через очень узкую резиновую трубу, и он не сразу осознал, что Бирючинной улицы больше нет. Они с Думбльдором очутились на пустынной деревенской площади с военным мемориалом и парой скамеек. Как только мозги встали на место, Гарри понял, что ему впервые в жизни довелось аппарировать.

– Ты как? – поинтересовался Думбльдор. – К этому ощущению надо привыкнуть.

– Я нормально. – Гарри растирал уши, явно неохотно расставшиеся с Бирючинной улицей. – Но, честно говоря, на метле лучше.

Думбльдор улыбнулся, плотнее запахнул воротник, сказал:

– Нам сюда, – и быстро пошел вперед, мимо пустой гостиницы и жилых домов. На часах церкви неподалеку стрелки приближались к полуночи.

– А скажи, пожалуйста, Гарри, – заговорил Думбльдор, – твой шрам… он вообще болит?

Гарри машинально потер зигзагообразную отметину на лбу.

– Нет, – пробормотал он, – я еще удивлялся. Думал, от него теперь покоя не будет, раз Вольдеморт набирает силу.

Он поднял глаза на Думбльдора и увидел, что тот доволен ответом.

– Я-то как раз думал иначе, – сказал Думбльдор. – Лорд Вольдеморт наконец понял, что у тебя есть счастливая возможность проникать в его мысли и чувства. И, похоже, решил защититься от тебя посредством окклуменции.

– Вот и великолепно, – буркнул Гарри. Он нисколько не скучал по ночным кошмарам и неожиданным провалам в сознание Вольдеморта.

Они завернули за угол, прошли мимо телефонной будки и автобусной остановки. Гарри искоса поглядел на Думбльдора:

– Профессор…

– Да, Гарри?

– А… где это мы?

– В очаровательной деревушке под названием Бадли-Баббертон.

– А зачем?

– Ах да, я же не сказал! – воскликнул Думбльдор. – Я столько раз это говорил, что потерял счет: наша школа вновь осталась без учителя. Мы с тобой здесь, чтобы уговорить одного моего бывшего коллегу оставить заслуженный отдых и вернуться в «Хогварц».

– А чем я могу вам помочь, сэр?

– Я уверен, ты непременно пригодишься, – неопределенно ответил Думбльдор. – Здесь налево, Гарри.

Они шли вверх по узкой крутой улочке между плотными рядами домов. Свет нигде не горел. Странный туман, вот уже две недели окутывавший Бирючинную улицу, стоял и здесь. Гарри невольно вспомнил о дементорах, опасливо оглянулся и крепче сжал в кармане волшебную палочку.

– Профессор, а почему нельзя было аппарировать прямо в дом вашего коллеги?

– Но это же все равно что вышибить входную дверь, – объяснил Думбльдор. – Правила хорошего тона требуют предоставлять людям право не принимать гостей, если им не хочется. И потом, большинство колдовских жилищ защищены от нежелательного вторжения. Например в «Хогварц»…

– Нельзя аппарировать, ни в здание, ни на территорию, – бойко отчеканил Гарри. – Мне Гермиона Грейнджер говорила.

– И это истинная правда. Тут снова налево.

Где-то позади церковные часы пробили двенадцать. Гарри хотелось спросить, почему Думбльдор не считает невежливым являться в гости за полночь, но сейчас, когда у них завязалась нормальная беседа, он решил обсудить вопросы поважнее.

– Сэр, я прочел в «Оракуле», что Фуджа уволили…

– Это так. – Думбльдор свернул в переулок, резко уходивший вверх. – Не сомневаюсь, ты знаешь и о том, что на его место пришел Руфус Скримджер, который раньше возглавлял дивизион авроров.

– А как по-вашему, он хороший?

– Интересный вопрос, – произнес Думбльдор. – Он на многое способен. Личность, безусловно, решительнее и напористее, чем Корнелиус.

– Да, но я имел в виду…

– Я знаю, что ты имел в виду. Руфус – человек дела. Он почти всю сознательную жизнь борется с силами зла и не может недооценивать лорда Вольдеморта.

Гарри ждал, что Думбльдор заговорит о своих разногласиях со Скримджером, упомянутых в «Оракуле», но тот молчал. Сам Гарри не осмелился спросить, а потому сменил тему:

– А еще, сэр… я прочел про мадам Боунс.

– Да, – тихо сказал Думбльдор. – Ужасная потеря. Выдающаяся была ведьма. Вот сюда, вверх, по-моему… ой. – Он покалеченной рукой указал, куда идти.

– Профессор, а что у вас с…

– Сейчас нет времени объяснять, – перебил Думбльдор. – Не хотелось бы комкать столь леденящую историю.

Он улыбнулся, давая понять, что вовсе не хотел осадить Гарри – дескать, если есть другие вопросы, задавай.

– Сэр… мне совиной почтой прислали министерскую листовку про меры безопасности против Упивающихся Смертью…

– Я и сам такую получил, – снова улыбнулся Думбльдор. – Ты извлек из нее что-нибудь полезное?

– Не особенно.

– Я уж вижу. Например, ты не спросил, какое варенье я люблю больше всего, и не убедился, что я действительно профессор Думбльдор, а не какой-нибудь самозванец.

– Я не… – начал Гарри, не вполне понимая, всерьез его укоряют или нет.

– Кстати, на будущее – малиновое. Но, разумеется, любой Упивающийся Смертью, прежде чем принимать мой облик, постарался бы выяснить про варенье.

– Э-э… конечно, – кивнул Гарри. – Но в листовке говорилось про каких-то инферний. Это кто? Там было непонятно.

– Это трупы, – невозмутимо ответил Думбльдор. – Заколдованные мертвецы, действующие по указке черных колдунов. Давненько не появлялись, с той поры, когда Вольдеморт был в силе… Естественно, он стольких поубивал, что хватит на целую армию. Вот дом, который нам нужен, Гарри, сюда…

Они подошли к аккуратному домику с небольшим садиком. Гарри был настолько потрясен рассказом об инферниях, что ничего не замечал и тут же наткнулся на Думбльдора, когда тот внезапно остановился у калитки.

– О небо. О пресвятое небо.

Гарри проследил за его взглядом, и у него оборвалось сердце. Входная дверь криво свисала с петель.

Думбльдор быстро осмотрел улицу: везде было пусто.

– Достань палочку и следуй за мной, – тихо приказал он.

Затем открыл калитку и молча, стремительно зашагал по ухоженной садовой дорожке. Гарри не отставал. Думбльдор осторожно открыл дверь, держа наготове волшебную палочку.

– Люмос.

Палочка засветилась. Они увидели узкий коридор и слева – открытую дверь. Думбльдор, высоко держа палочку, прошел в гостиную. Гарри следовал за ним по пятам.

Их взглядам открылась картина абсолютного разора. Прямо под ногами лежали большие напольные часы с треснувшим корпусом и расколотым циферблатом, чуть поодаль валялся маятник, точно оброненный меч. Пианино перевернуто набок, кругом рассыпаны клавиши. Рядом отсвечивал искорками покореженный канделябр. Жестоко израненные подушки истекают перьями; все вокруг припудрено осколками стекла и фарфора. Думбльдор поднял палочку выше и осветил стены. Обои были забрызганы чем-то клейким, темно-красным. Гарри тихонько ахнул. Думбльдор обернулся.

– Жуткое зрелище, – мрачно произнес он. – Здесь произошло что-то страшное.

Он медленно вышел на середину комнаты, внимательно разглядывая обломки под ногами. Гарри шел за ним и испуганно озирался, опасаясь, что за сломанным пианино или перевернутым диваном вот-вот обнаружится нечто чудовищное, однако трупа нигде не было.

– Может, случилась драка, а потом они его… утащили? – пролепетал Гарри. Он старался не думать о том, каковы должны быть раны, если стены забрызганы кровью чуть ли не до середины.

– Едва ли, – задумчиво пробормотал Думбльдор, всматриваясь в опрокинутое набок пухлое кресло.

– Вы хотите сказать, что он…

– Где-то здесь? Да.

Тут Думбльдор безо всякого предупреждения наклонился и ткнул палочкой в сиденье кресла. Оно завизжало.

– Добрый вечер, Гораций, – поздоровался Думбльдор, выпрямляясь.

У Гарри отвисла челюсть. На месте кресла сидел на корточках немыслимо толстый лысый старикашка. Он потирал низ живота, оскорбленно глядя на Думбльдора водянистыми глазками.

– Чуть не проткнул, – тяжело заворочавшись, недовольно пробурчал он. – Больно же.

Его лысина, выпуклые глаза и густые серебристые моржовые усы глянцево поблескивали в свете волшебной палочки, как и полированные пуговицы бордовой бархатной куртки, надетой поверх лиловой шелковой пижамы.

– Ну и чем же я себя выдал? – ворчливо поинтересовался хозяин дома и, не переставая массировать низ живота, с кряхтеньем поднялся. Макушкой он едва доставал Думбльдору до подбородка, и для человека, который только что притворялся креслом, вид у него был на редкость невозмутимый.

– Мой дорогой Гораций, – чуть насмешливо сказал Думбльдор, – если б здесь и впрямь побывали Упивающиеся Смертью, над домом висел бы Смертный Знак.

Гораций хлопнул себя пухлой ладошкой по высокому лбу.

– Смертный Знак, – пробормотал он. – Так и знал, обязательно что-нибудь… ну да ладно. Времени все равно не было. Я еще со своей обивкой не закончил, а вы уже вошли.

Он испустил тяжкий вздох, и кончики его усов затрепетали.

– Помочь прибраться? – любезно предложил Думбльдор.

– Если не трудно, – ответил Гораций.

Колдуны встали спина к спине, худой дылда и толстый коротышка, и синхронно взмахнули волшебными палочками.

Мебель тут же разлетелась по местам; украшения и прочие предметы интерьера вновь возникли прямо из воздуха; перья набились в подушки; порванные книги склеились еще по дороге к полкам; богатая коллекция фотографий, сверкая изу веченными серебряными рамками, пролетела через всю комнату и собралась на письменном столе, целая и невредимая; всевозможные дыры, трещины и разрывы залатались и затянулись; стены очистились.

– Кстати, что за кровь? – полюбопытствовал Думбльдор. Ему пришлось сильно повысить голос – восстановленные напольные часы принялись громко бить.

– На стенах? Драконья, – прокричал в ответ Гораций. Канделябр тем временем, оглушительно скрежеща, ввинтился обратно в потолок.

Напоследок блямкнуло пианино, и воцарилась тишина.

– Да, драконья! – задумчиво повторил колдун. – Заметим, последняя бутылка, а цены сейчас о-го-го какие. Впрочем, не исключено, что ее можно снова использовать.

Он грузно протопал к буфету, взял в руки хрустальную бутылочку с густой жидкостью и посмотрел на свет:

– Хм-м. Пыли насобирала.

Гораций поставил бутылочку на место, вздохнул и лишь тогда заметил Гарри.

– Ого, – сказал он, и его большие круглые глаза метнулись к шраму. – Ого!

– Это, – Думбльдор шагнул ближе, – Гарри Поттер. Гарри, познакомься – мой старый друг и коллега Гораций Дивангард.

Дивангард проницательно посмотрел на Думбльдора:

– Вот, значит, чем ты рассчитывал меня пронять? Все равно мой ответ «нет», Альбус.

Гораций, толкнув Гарри плечом, отошел – судя по лицу, он твердо решил не поддаваться искушению.

– Может, хоть по стаканчику? – предложил Думбльдор. – За старые добрые времена?

Дивангард нерешительно замер.

– Если только чуть-чуть, – нелюбезно пробурчал он.

Думбльдор улыбнулся Гарри и указал на кресло, очень похожее на то, каким недавно прикидывался Дивангард. Оно стояло возле вновь разожженного камина; рядом ярко горела масляная лампа. Гарри сел, понимая: Думбльдору зачем-то нужно, чтобы он был на виду. Хозяин дома повозился с графинами и кубками, повернулся лицом к комнате, естественно, наткнулся взглядом на Гарри, фыркнул и моментально отвел глаза, словно опасаясь их обжечь.

– Прошу. – Дивангард передал кубок Думбльдору, который уселся без приглашения. Затем хозяин ткнул подносом в сторону Гарри и утонул в подушках восстановленного дивана и сумрачном молчании. Его коротенькие ножки не доставали до пола.

– Как поживаешь, дорогой Гораций? – вежливо поинтересовался Думбльдор.

– Так себе, – сразу ответил Дивангард. – Слабые легкие. Одышка. Еще ревматизм. Передвигаюсь с трудом. Впрочем, чего ожидать? Старость. Переутомление.

– Между тем, чтобы подготовиться к нашему приходу, тебе явно пришлось посуетиться, – заметил Думбльдор. – У тебя ведь было не более трех минут.

Дивангард раздраженно, однако с гордостью уточнил:

– Две. Я не услышал чаросигнализацию – ванну принимал. Но, – сурово продолжил он, спохватившись, – факт остается фактом, Альбус, я – пожилой, усталый человек. Я заслужил право на тихую и хоть сколько-нибудь комфортную жизнь.

Что-что, а это у него есть, подумал Гарри, окинув взглядом комнату. Душная, конечно, и захламленная, но неудобной никак не назовешь: тут тебе и кресла, и пуфы, книги и разные напитки, коробки с шоколадными конфетами и мягкие подушки. Не зная, кто здесь живет, Гарри подумал бы, что хозяйка – богатая и капризная старуха.

– Ты ведь моложе меня, Гораций, – сказал Думбльдор.

– Так и тебе давно пора на покой, – бесцеремонно ответил Дивангард. Его бледные крыжовенные глаза остановились на больной руке Думбльдора. – Видишь, реакция-то уже не ахти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/dzhoan-rouling/garri-potter-i-princ-polukrovka

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити